

§ 1 ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО

Заневская Н.А.

ИНСТИТУТ ФИЗИЧЕСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ТЕЛА ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО ПОСЛЕ СМЕРТИ В СВЕТЕ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы реализации гражданами Российской Федерации права на свободу и личную неприкосновенность. Рассматриваются особенности законодательного закрепления процедуры посмертного забора органов и тканей человека. Проведенное автором исследование позволяет сделать заключение, что категория «достойный», рассматриваемая в рамках отношения к телу покойного, не имеет легального определения и понимается по-разному различными социальными группами. В свете этого автор рассматривает, каким образом соотносятся между собой категории «право на достойное отношение к телу после смерти», «право на личную неприкосновенность» и установленная законодательством Российской Федерации «презумпция согласия» на изъятие органов после смерти. Применялись общенаучные (сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, обобщение) и частнонаучные методы (формально-догматический, сравнительно-правового исследования и др.) Сделан вывод, что, несмотря на существующие недостатки закрепленной действующими нормативными правовыми актами «презумпции согласия», в условиях проводимой государством политики возможна реализация гражданами страны своих конституционных прав и свобод. Подводя итог, автор указывает на ряд фактов, проявляющихся в указанной сфере, способствующих укреплению законности.

Ключевые слова: Личная неприкосновенность, трансплантация, посмертное донорство, посмертная трансплантация, военнослужащий, принципы международного права, посмертный забор органов, испрошенное согласие, предполагаемое согласие, презумпция согласия.

Abstract: This article examines the questions of realization by the citizens of the Russian Federation of the right to personal inviolability. It examines such aspects of the legislative formalization of the procedure of post-mortem collection of organs and human tissues. The research conducted by the author allows making a conclusion that the category “dignified” is being viewed within the framework of the regard towards the body of the deceased, does not have legal definition, and is being understood differently by various social groups. In light of this, the author explores the correlation between the categories of “right to a dignified treatment of the body after death” and “right to personal inviolability”, as well as “presumption of agreement” to remove organs after death established by the legislation of the Russian Federation. A conclusion is made that despite the existing imperfections in the legislative “presumption of agreement”, in the context of state policy the Russian citizens are still able to exercise their constitutional rights and liberties.

Keywords: Presumption of agreements, Supposed agreement, Requested agreement, Post-mortem collection of organs, Principles of international law, Serviceman, Post-mortem transplantation, Post-mortem donorship, Transplantation, Personal inviolability.

Наделенные специальным статусом, военнослужащие исполняют свои должностные обязанности с риском для жизни и здоровья. Такой риск возникает не только в случаях участия государства в международных конфликтах, он присутствует постоянно.

На случай смерти военнослужащего законодательством Российской Федерации предусмотрены различные гарантии, как для членов его семьи, так

и в отношении самого умершего (погибшего) военнослужащего, а именно в отношении юридической судьбы его тела.

Само право на свободу и личную неприкосновенность закреплено в ряде международных актов. Это право нашло отражение во Всеобщей декларации прав человека (ст. 3 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, № 67, 05.04.1995),

Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ, 08.01.2001, № 2, ст. 163.), Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости ВС СССР. 28 апреля 1976 г. № 17. Ст. 291), Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (ст. 5 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) // Российская газета, № 120, 23.06.1995).

Право на свободу и личную неприкосновенность рассматривается учеными по-разному. Одни ученые рассматривают это право в узком значении, сосредотачивая внимание лишь на свободе лиц от незаконного, произвольного ареста. Другие же авторы рассматривают личную неприкосновенность в широком значении, подразумевая под ней неприкосновенность физическую [7, с. 31], а в ряде случаев нравственную и психическую неприкосновенность, а также индивидуальную свободу личности предполагать собой по своему усмотрению.

Сосредоточим свое внимание на широком трактовании права человека на свободу и личную неприкосновенность, подразумевающее физическую неприкосновенность лица, как при жизни, так и после его смерти. В связи с этим достойное отношение к телу умершего военнослужащего рассматривается как элемент права на физическую неприкосновенность.

Проследим, каким образом реализуется в Российской Федерации закреплённое в международных актах право каждого на личную неприкосновенность.

В общих параметрах объективной констатации обоснованно констатировать становление целостного по формату и специального по существу института физической неприкосновенности тела военнослужащего с упорядоченной системой целей и принципов.

Российское законодательство в отношении физической неприкосновенности тела после смерти закрепляет право лиц при жизни определить уровень достойного отношения к своему телу (останкам), разрешив следующие вопросы: о согласии или несогласии быть подвергнутым патологоанатомическому вскрытию, о согласии или несогласии на изъятие органов и (или) тканей из его тела после смерти

(Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, № 3 ст.146.).

Остановимся подробнее на последнем. Исходя из положений Руководящих принципов ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов, утвержденных на 63-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения [15], законодательством страны может быть закреплён один из двух возможных способов правового регулирования процедуры посмертного донорства.

Первый способ правового регулирования процедуры изъятия органов и (или) тканей умершего лица носит название «презумпция несогласия» или «испрошенное согласие». Суть данного способа сводится к невозможности производить забор органов и тканей умершего без четкого волеизъявления последнего при жизни или его родственников после смерти последнего. Способы и формы совершения волеизъявления о согласии на посмертное донорство в каждом государстве, избравшем данную модель правового регулирования, различны.

Второй способ носит наименование «презумпция согласия» или «предполагаемое согласие». Сущность этого способа правового регулирования заключается в предоставлении медицинским учреждениям, отвечающим специальным требованиям, производить изъятие органов и (или) тканей умершего по своему усмотрению. Зачастую, законодательство стран, закрепившее «презумпцию согласия», не обязывает медицинские учреждения уведомлять ни пациентов (будущих возможных доноров), ни родственников умерших о существующем порядке посмертного донорства. При этом право на физическую неприкосновенность не игнорируется: лицу (а в ряде государств, и его родственникам) предоставляется возможность изъявить свое несогласие на проведение указанной процедуры.

С точки зрения реализации права человека на физическую неприкосновенность, как элемента права личной неприкосновенности, модель «презумпция несогласия» способствует более полной реализации лицами своего права. Тем не менее, вследствие ряда объективных обстоятельств, большинство государств избирают совершенно иной порядок регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере. Зачастую это связано с трудностями формирования положительного отношения граждан к изъятию тканей и (или) органов после смерти. Принятие гражданами взвешенного и, что важно, добровольного решения требует от государства проведения взвешенной социальной политики. Необходимо пом-

нить, что какими продуманными и планомерными не были бы действия государственных органов, эффект от таких мер не будет мгновенным: формирование позитивного отношения в любой столь острой проблеме требует значительное время. А переход от данной модели («презумпция согласия») к модели «презумпция несогласия» должен осуществляться лишь при полной уверенности в информированности граждан о действующем законодательстве в этой сфере и их желании стать донором после смерти. Об этом могут свидетельствовать не только проводимые социологические опросы граждан, сколько увеличение количества распоряжений на случай смерти, предусматривающих согласие на посмертную трансплантацию. В противном же случае, резкий переход к новой системе правового регулирования посмертного донорства вызовет резкое уменьшение объема донорских органов, что в свою очередь увеличит смертность среди лиц, нуждающихся в пересадке органов и (или) тканей, а также повысит уровень преступности. Сама по себе, как отмечают ученые, «презумпция согласия» ущемляет право на физическую неприкосновенность, которое принадлежит лицу, как при жизни, так и после его смерти. Кроме этого, данная модель правового регулирования посягает и на конституционное право на свободу и достоинство личности. Не вызывает сомнений, что польза, получаемая обществом, государством и конкретными гражданами при избрании данной системы огромна. Тем не менее, высшей ценностью признается человек, его права и свободы. И ставить интересы общества и государства над интересами отдельно взятого человека недопустимо.

Концептуально, достойное отношение к телу умершего (погибшего) является ключевым аспектом как при подготовке тела к погребению, так и в процессе самого предания тела земле, огню или воде.

Само понятие «достойный» рассматривается как вполне соответствующий чему-либо, заслуженный, справедливый, а в устаревшем значении как обладающий положительными качествами; уважаемый, почтенный [13]. Достойное отношение к телу в таком случае должно рассматриваться как комплекс заслуженных, справедливых действий по отношению к телу покойного. Учитывая, что каждое лицо проявляло и проявляет различное поведение как «действия человека по отношению к обществу, другим людям и предметному миру, рассматриваемые со стороны их регуляции общественными нормами нравственности и права» [2], логично предположить, что и понятие «справедливости» в отношении каждого из лиц должно быть различным. В данном случае нас не интересует поведение лица с точки зрения морали, ре-

лигии или нравственности. Затронем лишь поведение лица, урегулированное нормами права, а, следовательно, влекущие для него юридические последствия. Поскольку правовое поведение подразделяется на несколько видов, в зависимости от его соответствия нормам права и приносимой обществу пользы, на правомерное, неправомерное и злоупотребление правом, возможным становится предположить, что такая же классификация может быть принята за основу при определении справедливого отношения к лицам, избравшим для себя то или иное поведение. На практике дело обстоит несколько иначе. Анализ нормативных правовых актов ясно дает понять, что существует определенный уровень неприкосновенности лица и его тела после смерти, гарантируемый государством. Решая вопрос по пяти позициям как, например, подвергать свое тело после смерти кремации или патологоанатомическому вскрытию или запретить проведение таких действий над ним, лицо само устанавливает эту планку достойного отношения к своему телу. Нельзя при этом говорить, что проведение определенных процедур (в рамках рассматриваемых пяти позиций) является проявлением более достойного, отношения нежели воздержание от их проведения или наоборот. Еще раз подчеркнем, что исключительно лицо решает, какие действия следует проводить с его телом, а какие недопустимы. Встает вопрос как в таком случае оценивать достойное, то есть справедливое, заслуженное отношение к телу лиц, совершивших противоправные поступки? На наш взгляд эта справедливость будет заключаться не в определении того или иного действия с телом, а в ограничении права на волеизъявление лица в решении одного или нескольких из указанных вопросов.

Одним из наиболее острых является вопрос, согласуется ли порядок изъятия органов и (или) тканей из тела лица после его смерти с требованиями закона о проявлении достойного отношения к телу умершего. А также нам предстоит выяснить, существуют ли ограничения воли лица и, в случае положительного ответа, каковы причины установления последних.

Законодательство Российской Федерации, определяя порядок изъятия органов и тканей умершего лица, устанавливает «презумпцию согласия» лица на посмертный забор его органов.

Презумпция представляет собой «логико-юридический прием, позволяющий законодателю констатировать наличие или отсутствие юридического факта, вне зависимости от его объективного статуса, основываясь на требованиях социальной практики, целесообразности, рациональности изложения нормативных высказываний» [8, с. 59]. Установление на

законодательном уровне презумпций происходит тогда, «когда регулирование общественных отношений оказывается затруднительным либо невозможным ввиду отсутствия необходимого факта» [3, с. 110].

Таким образом, установление «презумпции согласия» означает, что согласие лица стать донором после смерти не испрашивалось, и наличие такого согласия лишь предполагается.

Вряд ли можно считать затруднительным выяснения воли лица относительно юридической судьбы его органов и тканей, когда оно поступает в медицинское учреждение в полном сознании, и в данный момент понимает значение своих действий и способно руководить ими. В ряде стран заполнение пациентами документа, удостоверяющего согласие лица забор его органов, в случае смерти, и условия такого изъятия, уже много лет применяется на практике.

В тех же случаях, когда пациент находится без сознания, такое согласие либо несогласие вместо лица могут дать его родственники.

Таким образом, особых трудностей с точки зрения проведения процедуры опроса пациентов не возникает. Сложность может возникнуть с этической точки зрения: считается, что постановка перед пациентом вопроса о допустимых манипуляциях с его телом после смерти может подорвать жизненный тонус больного, вызвать состояние обреченности и неверия в намерения медиков осуществлять лечение [1, с. 62]. А выяснение воли родственников относительно судьбы тела их близкого лишь усугубит их тяжелое психоэмоциональное состояние, станет проявлением цинизма.

Презюмируя согласие лица, законодатель позволяет медицинским учреждениям, соответствующим определенным критериям, производить изъятие органов и (или) тканей умершего лица свободно. Единственным ограничением служит выраженный лицом при жизни запрет на проведение указанных процедур. А в отсутствии такого волеизъявления лица, запрет в определенные сроки должен быть произведен родственниками умершего лица. При этом сотрудники медицинской организации не обязаны уведомлять своих пациентов об особенностях регулирования посмертного донорства, спрашивать какова их воля или обращаться к родственникам умершего пациента для решения данного вопроса. Нет у данных лиц и обязанности сообщать родственникам умершего о проведенной пересадке органов. Поэтому, «тот, кто хочет защитить свое право на неприкосновенность после смерти, должен действовать путем активного волеизъявления» [4, с. 209].

Таким образом, получается, что отсутствие волеизъявления лица о запрете на трансплантацию его органов, а равно такого запрета родственников либо других уполномоченных лиц воспринимается законодателем как положительное решение лиц о трансплантации органов умерших, это согласие презюмируется. При этом считается, что все заинтересованные лица осведомлены о существующих положениях законодательства, что обеспечивается отражением «презумпции согласия» в тексте опубликованного и вступившего в законную силу нормативно-правового акта.

Обратим внимание, что презумпция согласия ущемляет право на физическую неприкосновенность, которое принадлежит лицу как при жизни, так и после его смерти. Кроме этого, данная модель правового регулирования посягает и на конституционное право на свободу и достоинство личности. Не вызывает сомнений, что польза, получаемая обществом, государством и конкретными гражданами при избрании данной системы огромна. Тем не менее, высшей ценностью признается человек, его права и свободы. И ставить интересы общества и государства над интересами отдельно взятого человека недопустимо. Поэтому избрав «систему предполагаемого согласия» («презумпцию согласия») необходимо «обеспечить полную информированность людей относительно существующей политики и предоставление им беспрепятственной возможности пойти по пути несогласия» [10]. Информация о праве лица выразить согласие либо несогласия, форме и способе волеизъявления по этому вопросу, о порядке проведения процедуры, связанной с забором органов и их юридической судьбой, а также об иных медицинских и юридических вопросах должна быть полной, открытой, всеобъемлющей, соответствующей нормам права и современным достижениям в медицине, в частности в трансплантологии, «быть свободной от элементов принуждения и манипуляции» [14, с.162].

Многие ученые отмечают наличие противоречия положений базовых законов, регулирующих вопросы порядка дачи согласия на изъятие у лица органов после его смерти: «О погребении и похоронном деле» и «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (Закон Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ, 14.01.1993, № 2, ст. 62.), состоящее в признании возможности изъятия тканей и органов лишь «на основании согласия лица, выраженного в рамках волеизъявления умершего» [9, с. 121]. Безусловно, закон «О погребении и похоронном деле» устанавливает обязанность четкого

исполнения волеизъявления лица. Действия лиц, исполняющих волеизъявление должны осуществляться в полном соответствии с ним. Тем не менее, закон предусматривает и случаи, когда отступление от волеизъявления о достойном отношении к телу лица после смерти становится возможным.

Таких исключений два. Первое устанавливается в случаях, когда исполнение волеизъявления является невозможным.

Второе исключение относится к случаям, когда закон устанавливает иное, нежели указано в волеизъявлении лица, предписывает проведение тех или иных обязательных процедур и мероприятий.

В случае трансплантации отступление от волеизъявления лица возможно только в силу закона, то есть, когда законом установлено иное правило, чем в волеизъявлении о достойном отношении к телу. Таким законом является Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» как специальным по отношению к Федеральному закону «О погребении и похоронном деле», а закрепленная «презумпция согласия» и есть такое установленное законом правило. Таким образом, на наш взгляд, противоречия между исследуемыми нормами данных нормативных правовых актов отсутствуют.

Таким образом, изъявление воли лицом – законодательно установленное право. Интересным представляется решить, можно ли рассматривать изъявление воли лица о его отношении к посмертному донорству как обязанность, особенно учитывая «естественный закон этики», подразумевающий, что «каждый индивид имеет этические обязательства перед обществом, обусловленные природой человека как частицы общественного организма» [12, с. 542].

Возникает закономерный вопрос, возможно ли на законодательном уровне обязать те или иные категории граждан, в частности, военнослужащих принять соответствующие решение в отношении изъятия его органов после смерти путем выражения четкого согласия или запрета на проведения таких мероприятий?

Думается, что попытка правового установления обязанности лица в принудительном порядке выражать свою волю по этому вопросу пагубно и противоправно. С точки зрения законодательства, наложение такой обязанности может быть рассмотрено как нарушение уголовного законодательства Российской Федерации в рамках статьи 120 Уголовного кодекса РФ (Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.): принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации.

В условиях повешенного риска для жизни и здоровья при выполнении военнослужащими поставленных перед ними боевых задач, решение вопроса о своевременной трансплантации крайне важно. Оперативное принятие решение о пересадки органов не только спасет жизнь защитнику Отечества, но и станет решающим фактором для обеспечения безопасности страны и поддержания высокой боеготовности армии. В этих целях необходимо своевременно выяснить волю военнослужащего относительно судьбы своего тела после смерти и его согласия или несогласия на пересадку его органов, части органа или тканей.

Для решения указанной задачи, будет оправданным создать базу волеизъявлений, содержащую сведения как о согласии лиц на посмертный забор их органов, так и о запрете такого изъятия. А для оперативного выяснения воли военнослужащего в отношении рассматриваемого вопроса считаем необходимым обеспечить каждого военнослужащим специальным жетоном. В таком жетоне (медальоне) при желании лица, может быть отражено его волеизъявление относительно использования его органов и частей тела для трансплантации.

Понимая, что само оформление такого волеизъявления вызывает ряд существенных вопросов, как то, как подтвердить подлинность данного материального носителя и узнать истинную волю военнослужащего, считаем, что одним из возможных решений представляется сообщение своей воли военнослужащим, в случаях, когда внести соответствующее волеизъявление в соответствующий реестр не представляется возможным, в письменной форме с заверением такого волеизъявлением непосредственным начальником (командиром). А в случаях, когда сложившаяся обстановка не позволяет изъять свое решение относительно вопроса посмертного забора органов письменно, в присутствии непосредственного начальника (командира) и двух свидетелей равных или старших по званию.

Постановочно, избрав «систему предполагаемого согласия» («презумпцию согласия») необходимо «обеспечить полную информированность людей относительно существующей политики и предоставление им беспрепятственной возможности пойти по пути несогласия» [10]. Вся информация о праве лица выразить согласие либо несогласия, форме и способе волеизъявления по этому вопросу, о порядке проведения процедуры, связанной с забором органов и их юридической судьбой, а также об иных медицинских и юридических вопросах должна быть полной, открытой, всеобъемлющей, соответствующей нормам права и современным достижениям в медицине, в

частности в трансплантологии, «быть свободной от элементов принуждения и манипуляции» [14, с. 161].

Законодательство Российской Федерации в сфере посмертного донорства установило «презумпцию согласия» на забор органов после смерти. Данное правило установлено специальными законами в сфере посмертного донорства и в ритуально-похоронной сфере. Несмотря на существующую точку зрения ряда авторов о наличии противоречия между этими двумя основными нормативными правовыми актами, мы считаем возможным не согласиться с такими выводами, считая Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» специальным по отношению к Федеральному закону «О погребении и похоронном деле».

Несмотря на то, что, как мы указали выше, «презумпция несогласия» предоставляет лицам возможность более полно реализовывать права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленные рядом международных документов, важным остается предоставление со стороны государства возможность осуществления этих прав. В любом случае «вне зависимости от избранного национальным законодательством порядка получения донорского материала важно соблюдать права человека и личности, в том числе после смерти» [5]. При продуманной и грамотной политике государства, каждая из моделей может обеспечивать защиту личности, личной неприкосновенности, охрану достоинства личности, и в то же время использовать в качестве метода сохранения жизни и здоровья трансплантацию, в том числе, с использованием в качестве трансплантатов органы и ткани умерших. И напротив, игнорирование со стороны государства своих обязанностей в данной сфере или проведение неграмотной политики в области посмертного донорства, может негативно отразиться как на защите интересов граждан, так и общества в целом.

В последнем случае будет совершенно неважно, какая правовая модель будет лежать в основе законодательства о трансплантации органов, сбалансировано она работать не будет. Законодательное закрепление той или иной модели «само по себе не способно перевести трансплантологию на новый уровень развития. Решение множества проблем, которые существуют в этой сфере, не так уж сильно зависит от выбора законодателем того или иного пути» [6].

Целью государственной политики выступает переход от отождествления в общественном сознании человека с набором запасных частей к восприятию донорства как проявлению истинного гуманизма, когда «общество все более глубоко осознает всю важность трансплантации как медицинской процедуры, как метода спасения человеческой жизни и переходит от иррациональной критики к ее вдумчивому и серьезному философско-правовому анализу» [11].

Таким образом, проведенный анализ международного и российского законодательства позволяет прийти к выводу о полном соответствии норм национального законодательства требованиям международных актов.

Международно-правовая включенность Российской Федерации в современный миропорядок в порядке заявленной приверженности верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) предметно содействует обеспечению режима прав человека, как это обозначено в формате целей Устава ООН (ст. 1), в параметрах целостной системы права. Законность в параметрах правового пространства Российского государства и по линии современного миропорядка по факту включенности России в систему международных правоотношений обретает реальные черты своего предметного юридического существа.

Библиография:

1. Багрий-Шахматов Л., Примаченок А., Саркисова Э., Шикунов В. Горелик И.Н. Правовые аспекты пересадки органов и тканей. – Минск, 1971. – 92 с.
2. Большой психологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://psychological.slovaronline.com/П/1331-POVEDENIE> (дата обращения 10.12.2014).
3. Булаевский Б.А. Гражданско-правовые презумпции: понятие и функции // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции, теория, практика, техника». – Нижний Новгород. – 2010-№ 4. – С. 110-113.
4. Дубовик О.Л., Жалинская А.А. Законодательство ФРГ о трансплантации органов и тканей // Журнал российского права. 1998. – №10-11. – С. 206-212.
5. Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. Проблемы реализации конституционного права человека на отказ от трансплантации его органов и тканей: конституционно-правовое исследование // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 1. – С. 32-37.
6. Комашко М.Н. Проблема презумпции согласия на изъятие органов и (или) тканей для трансплантации // Медицинское право. – 2006. – № 3. – С. 16-23.
7. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Автореф. дисс. ... док. юр. наук. Екатеринбург. 1994. – с. 31.

8. Маркин А.В. Презумпции в праве: анализ исследований // Вектор науки ТГУ. № 2(5). 2011. – С.59-65.
9. Нагорный В.А., Медведев Е.В. Презумпция согласия на посмертный забор органов и тканей человека для трансплантации в контексте соматических прав личности // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 29. – С. 117-127.
10. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов, утв. 63 Всемирной ассамблеей здравоохранения 2010г.
11. Салагай О.О. Трансплантация органов и тканей человека в международно-правовом и сравнительно-правовом аспектах // Российская юстиция. – 2010. – № 7. – С. 58-65.
12. Тихонова С.С., Прилуков М.Д. Презумпция согласия лица на посмертное донорство как юридико-техническое средство обеспечения «социализации» тел умерших // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции, теория, практика, техника». – Нижний Новгород. 2010. – № 4. – С. 536-545
13. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/efremova/Dostojnyj-21940.html> (дата обращения 10.12.2015)
14. Чернышева Ю.А. Правовое значение согласия лица на трансплантацию органов и тканей // Общество и право. 2011. – № 2. – С. 161-164.
15. WHO Guiding principles on human cell, tissue and organ transplantation// Resolution WHA 63.22 adopted by the Sixty-third World Health Assembly on 21 May 2010. URL: <http://www.who.int/transplantation/en/> (дата обращения: 14.11.2015)

References (transliterated):

1. Bagrii-Shakhmatov L., Primachenok A., Sarkisova E., Shikunov V. Gorelik I.N. Pravovye aspekty peresadki organov i tkanei. – Minsk, 1971. – 92 s.
2. Bulaevskii B.A. Grazhdansko-pravovye prezumptsii: ponyatie i funktsii // Yuridicheskaya tekhnika. Ezhegodnik. Pervye Babaevskie chteniya: «Pravovye prezumptsii, teoriya, praktika, tekhnika». – Nizhnii Novgorod. – 2010-№ 4. – С. 110-113.
3. Dubovik O.L., Zhalinskaya A.A. Zakonodatel'stvo FRG o transplantatsii organov i tkanei // Zhurnal rossiiskogo prava. 1998. – №10-11. – С. 206-212.
4. Evdokimov V.B., Tikhvatullin T.A. Problemy realizatsii konstitutsionnogo prava cheloveka na otkaz ot transplantatsii ego organov i tkanei: konstitutsionno-pravovoe issledovanie // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2014. – № 1. – С. 32-37.
5. Komashko M.N. Problema prezumptsii soglasiya na iz'yatie organov i (ili) tkanei dlya transplantatsii // Meditsinskoe pravo. – 2006. – № 3. – С. 16-23.
6. Krasavchikova L.O. Ponyatie i sistema lichnykh, ne svyazannykh s imushchestvennymi prav grazhdan (fizicheskikh lits) v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii. Avtoref. diss. ... dok. yur. nauk. Ekaterinburg. 1994. – s. 31.
7. Markin A.V. Prezumptsii v prave: analiz issledovaniy // Vektor nauki TGU. № 2(5). 2011. – С.59-65.
8. Nagorni V.A., Medvedev E.V. Prezumptsiya soglasiya na posmertnyi zabor organov i tkanei cheloveka dlya transplantatsii v kontekste somaticheskikh prav lichnosti // Voprosy sovremennoi yurisprudentsii. 2013. № 29. – С. 117-127.
9. Salagai O.O. Transplantatsiya organov i tkanei cheloveka v mezhdunarodno-pravovom i sravnitel'no-pravovom aspektakh // Rossiiskaya yustitsiya. – 2010. – № 7. – С. 58-65.
10. Tikhonova S.S., Prilukov M.D. Prezumptsiya soglasiya litsa na posmertnoe donorstvo kak yuridiko-tekhnicheskoe sredstvo obespecheniya «sotsializatsii» tel umershih // Yuridicheskaya tekhnika. Ezhegodnik. Pervye Babaevskie chteniya: «Pravovye prezumptsii, teoriya, praktika, tekhnika». – Nizhnii Novgorod. 2010. – № 4. – С. 536-545
11. Chernysheva Yu.A. Pravovoe znachenie soglasiya litsa na transplantatsiyu organov i tkanei // Obshchestvo i pravo. 2011. – № 2. – С. 161-164.